

Из-за предыдущего недопонимания Мо Юньфэй сразу истолковал его выражение лица как «нравится, но стыдно признаться», поэтому, чтобы не задеть это «необычное» увлечение Шэнь Тинцзюня, после долгих раздумий он наконец осторожно выдал ответ:

— Нормально?

Шэнь Тинцзюнь тоже истолковал его выражение как «нравится, но стыдно признаться», помолчал на мгновение и ответил:

— Раз тебе нравится, то и хорошо.

— Нравится, нравится, — Мо Юньфэй выдавил «радостную» улыбку, небеса ведают, с пяти лет он уже не любит плюшевых мишек. — Если тебе нравится, то и мне нравится.

Они стояли друг напротив друга, пытаясь понять мысли друг друга.

Казалось, этот процесс взаимного чтения мыслей мог бы продолжаться бесконечно, но проходивший мимо Шэнь Суцин как раз подошёл и одновременно похлопал их по плечам:

— Братец, невестка, что вы делаете? Беседуете? Почему бы не пойти поболтать в гостиную?

Оба, спасённые из неловкой ситуации, услышав эти слова, невольно облегчённо вздохнули.

Оба подумали, что другой наверняка не хочет, чтобы кто-то узнал о его таком «детском» увлечении, и снова по молчаливому согласию скрыли этот факт.

Мо Юньфэй, глядя на ничего не подозревающего Шэнь Суцина, решил, что должен защитить достоинство Шэнь Тинцзюня как старшего брата, и первым заговорил с улыбкой:

— А разве мы не ждали тебя?

Шэнь Суцин был польщён и обрадован:

— Спасибо, невестка! Тогда давайте спустимся и подождём ужина! В обед было столько людей, я даже не наелся.

Мо Юньфэй кивнул в знак согласия:

— Да, я тоже не наелся, тогда пошли.

Мо Юньфэй повёл Шэнь Суцина, а затем сделал вид, что невзначай обернулся, и бросил Шэнь Тинцзюню улыбку, полную удовлетворения от удавшегося плана.

Шэнь Тинцзюнь, глядя на его уверенный и оживлённый вид, тоже не мог не улыбнуться.

Действительно, таким Мо Юньфэй был самым милым. Когда он в семье Мо учтиво улыбался, выполняя роль украшения интерьера, это было совсем на него не похоже.

Мо Юньфэй, из-за того что слишком быстро обернулся, как раз пропустил улыбку Шэнь Тинцзюня.

Он последовал за Шэнь Суцином в столовую и наконец-то получил первый нормальный ужин с тех пор, как перенёсся в этот мир.

Никто не отпускал в его адрес язвительные замечания, никто не говорил намёками, не нужно было бояться, что из-за неумения соответствовать их игре его внезапно обругают. Он мог просто спокойно есть, как раньше, когда ужинал вместе с директором приюта.

— Что такое, еда не по вкусу? — Шэнь Тинцзюнь, заметив, что он вдруг остановил палочки, повернулся к нему и с участием спросил.

Мо Юньфэй покачал головой, поднял взгляд, посмотрел на него, затем на Шэнь Суцина, сосредоточенно уплетающего свою порцию, и вдруг в какой-то степени понял настойчивость Шэнь Тинцзюня.

Его настойчивость в противодействии тому, чтобы главный нападающий и Шэнь Суцин были вместе.

— Тинцзюнь.

— М-м?

— Я помогу тебе, — серьёзно сказал Мо Юньфэй.

Шэнь Тинцзюнь, хотя и не понимал, о чём он, но, видя его серьёзное выражение лица, всё же с улыбкой ответил:

— Хорошо.

Мо Юньфэй, глядя, как на его любимейшем лице появляется улыбка, мгновенно ощутил полное удовлетворение.

Он приложит все усилия, чтобы этот человек всегда был счастлив!

Шэнь Суцин дождался, пока они закончат разговор, и только тогда поднял голову от овощей:

— Братец, разве ты не говорил, что завтра пойдёшь на свидание с невесткой? Место уже выбрали? Это же ваше первое свидание после знакомства?

Услышав это, Шэнь Тинцзюнь задержал на губах слова «восхождение в горы».

Первое свидание... В таком случае, поход в горы кажется слишком неформальным.

У Мо Юньфэя не было столько мыслей, он как раз собирался сказать «давайте просто пойдём в горы», но не успел договорить, как зазвонил телефон.

Он взглянул на номер, увидел, что это агент, и вынужден был отойти в сторону, чтобы ответить.

— Алло, брат Чжан, вдруг звонишь, что-то случилось?

— А? Завтра уже въезд в группу и начало съёмки? Снимут, а потом церемония открытия? Ладно...

Хотя голос Мо Юньфэя был негромким, из-за того что в особняке было довольно тихо, оба неподалёку услышали содержание его разговора.

Шэнь Суцин, глядя на Шэнь Тинцзюня, покачал головой и вздохнул.

Бедный его братец! Только обручился — и уже предстоит разлука.

Мо Юньфэй, положив трубку и вернувшись, тоже выглядел виноватым.

Он собирался сегодня вечером обсудить с Шэнь Тинцзюнем вопрос о въезде в группу на следующей неделе, но не ожидал такого внезапного поворота.

Шэнь Тинцзюнь, видя, как тот уныло садится на своё место, протянул руку и погладил его по голове:

— У нас впереди ещё долгое будущее, не сожалей так сильно. Через несколько дней я приеду к тебе на съёмки?

Мо Юньфэй не ожидал, что он так скажет, и уж тем более не думал, что он даже знает слово «наезд», его глаза тут же заблестели:

— Правда? Тогда я буду ждать тебя.

Шэнь Суцин с тех пор, как принял Мо Юньфэя в качестве невестки, испытывал жгучее любопытство к его профессии, и теперь, услышав, что появилась возможность навестить на съёмках, сразу же возбудился:

— Я тоже хочу! Но, невестка, почему съёмочная группа вдруг перенесла начало съёмки? Это нормально?

Мо Юньфэй, услышав этот вопрос, тоже немного задумался:

— Если ты так говоришь, то вроде бы действительно что-то не так...

Известно, что кто-то любит плюшевых мишек, и:

Большой Шэнь: Маленький Мо любит плюшевых мишек.

Маленький Мо: Большой Шэнь любит плюшевых мишек.

Младший брат: Все любят плюшевых мишек.

Все три утверждения ложны.

Найти: кто же на самом деле любит плюшевых мишек?

График определён, и первоначально лёгкая непринуждённая беседа после ужина превратилась в общение в перерывах между сборами вещей.

На этот раз Мо Юньфэй собирался не один, к нему присоединился Шэнь Тинцзюнь, а Шэнь Суцин тоже проскользнул, чтобы поучаствовать в суматохе, и на какое-то время комната Мо Юньфэя стала невероятно оживлённой.

У Шэнь Тинцзюня совершенно не было опыта в сборе вещей. Для него выйти из дома означало запихнуть в чемодан несколько комплектов одежды, которые в его глазах ничем не отличались, но в глазах других различались очень сильно, и взять их с собой.

Что касается того, чего не хватает или что забыто... Пока он не забыл взять секретаря, эти проблемы тот решит.

Поэтому Шэнь Тинцзюнь немного высказал свои предложения, и даже предложил Мо Юньфэю взять с собой в гостиницу съёмочной группы обоих плюшевых мишек с кровати, после чего Шэнь Тинцзюнь был беспощадно лишён права голоса Мо Юньфэем.

Более того, Мо Юньфэй ещё и посмотрел на Шэнь Суцина рядом и с большим сочувствием сказал:

— С таким братом тебе, наверное, тяжело?

Шэнь Суцин, словно нашёл родственную душу, закивал, как маятник:

— Да! Невестка, знаешь, мой брат совершенно не разбирается в житейских делах!

Шэнь Суцин сказал это и шагнул вперёд, желая похвастаться своими выдающимися навыками самообслуживания, но через минуту...

Мо Юньфэй с каменным лицом оттащил его к Шэнь Тинцзюню и усадил их рядом:

— Вы, сидите здесь, не мешайте.

Шэнь Суцин печально произнёс «ох» и получил безжалостный смех Шэнь Тинцзюня.

Он сердито посмотрел на этого бессердечного брата, а затем, подперев подбородок, стал внимательно наблюдать, как Мо Юньфэй собирает вещи:

— Невестка, знаешь, когда мама была ещё жива, каждый раз, когда мы куда-то уезжали, она собирала нам вещи. Потом мамы не стало, и мы стали брать только одежду, а если чего-то не хватало — покупали.

Услышав эти слова, выражение лица Мо Юньфэя слегка дрогнуло.

Он обернулся и посмотрел на Шэнь Тинцзюня. Тот, хотя и не проявлял эмоций так открыто, но, глядя, как он собирает вещи, явно был в хорошем настроении. Видя это, Мо Юньфэй мгновенно растрогался.

Хотя он с детства был сиротой, но, как первый ребёнок, которого подобрал новый директор приюта, у которого не было ни жены, ни детей, жил он на самом деле не плохо.

Директор хорошо к нему относился: в первый день учебного года провожал его в школу, ходил на родительские собрания, поддерживал его учёбу на свои сбережения, воспитывал его, когда он дрался с другими детьми из приюта, а после того, как тот начинал рыдать, неуклюже доставал конфету, чтобы утешить.

Поэтому на самом деле он не особо испытывал чувство беспомощности и одиночества. Даже когда позже попал в шоу-бизнес, он сразу же стал популярным после одного сериала. Чувства, когда приходится всё тянуть в одиночку, он на самом деле почти не испытывал.

Но Шэнь Тинцзюнь другой.

Его родители погибли в аварии, когда ему было десять лет, в том году Шэнь Суцину было всего три года. За десять лет, опираясь на оставленные родителями акции, он осторожно лавировал среди других акционеров, и ещё пытался сделать так, чтобы Шэнь Суцин рос здоровым. Давление, которое он выдерживал всё это время, просто невозможно представить.

Но даже в такой среде Шэнь Тинцзюнь вырос хорошим человеком, хотя добрые люди не получают доброй награды...

Думая об этом, Мо Юньфэй почувствовал, как на душе стало тяжело и тоскливо.

Сначала он опустил голову, делая вид, что продолжает собирать вещи, и лишь через некоторое время, придя в себя, ответил на слова Шэнь Суцина:

— Так делать нельзя, в следующий раз...

Переведены и исправлены оставшиеся китайские фрагменты. Приведено к единому стандарту оформления прямой речи.

<http://bllate.org/book/15595/1390325>